

детского дома Екатерина Киргир. На звонок дверь открывает сама Екатерина Павловна. Узнав, что направляемся в Ессентуки к Зинаиде Колгановой, приглашаем ее туда, Екатерина Павловна прослезилась: «Ой, да вы знаете, сколько мы не виделись?! Узнаем ли друг друга? Зиночка была ведь такая молоденькая, красивая!

Она ведь, когда нас всех привела живехонькими — ни один ребенок, ни погиб в дороге — в Ашхабад, сама слегла в больницу. Врачи говорили — нервное истощение. Мы бегали навещать ее, так она и там умудрялась накормить нас своей больничной похлебкой!»

— Екатерина Павловна, а как вы оказались в детдоме? — спрашиваю я, чтобы теперь уже унять свое волнение от возможных последствий сюрприза.

— Семья наша из репрессированных. Когда отца забрали, в тот же день мама умерла при родах. Осталось нас четверо полусирот. Пошли навестить маму, мы еще не знали, что она скончалась, а по дороге пропал трехлетний Федя. Мы его так и не нашли. Старшего Мишу, ему не было 13 лет, забрал к себе дядя, а меня и маленького братишку отдали в детдом. Миша позже погиб на фронте в первые дни войны. Мы думали, это будут единственные военные потери: никто не верил, что война затянется на годы.

Беседа, коротает время в пути, и вскоре мы подъезжаем к домику, где живет Колганова. По всему видно, что недавно обновляли фасад: пахнет штукатуркой и краской. Входим во двор, он усыпан алыми тюльпанами и лепестками цветущей вишни.

В глубине сада — высокая худенькая женщина окапывает деревья. «Зина, Зиночка», — тихо зовет Екатерина Павловна. «Катя? Катюша?» — не веря глазам, отзывается та. И через минуту обе бросаются друг к другу в объятия. Входим в комнату, где, усевшись рядом, Зинаида Дмитриевна и Екатерина Павловна то и дело пере-спрашивают: «Ты помнишь, как мы шли? А помнишь как?..» Годы немало сохранили в памяти, хотя с тех дней, когда на попечении юной Зинаиды оказалось 124 ребенка, прошло уже 63.

— Мне было 16, комсомольская ячейка рекомендовала меня в детский дом, проводить здесь разные праздники, — вспоминает Зинаида Дмитриевна. — Сказали, живешь ты рядышком, есть возможность уделять сиротам как можно больше внимания.

— Мы все тебя называли мамой, не подозревая, что вскоре ты нам её действительно заменишь, — дополняет Екатерина Павловна.

— Не долго пришлось ходить в «массовиках — затейниках»: грянула война, и мне поручили заняться оформлением личных дел детей. 3 августа 1942 года началась массированная бомбежка Георгиевска. Детишки испуганы, все кричат, плачут. Крутом суматоха, все горит: дома, школа, рынок. К вечеру, в тот же день, эвакуировали первую группу детей.

— На рассвете четвертого дня эвакуации услышала жуткий грохот. Это по трассе шла длинная колонна немецких танков. Надежда, что война эта продлится несколько дней, рухнула: мы получили предписание эвакуировать детдом в Туркмению. Спешно побросали на телеги кое — какие продукты, одежду, папки с личными делами — и пошли на Моздок. Добрались через несколько суток. В роще на берегу Терека дети попадали на землю и уснули. Ни бомбежка, ни стрельба уже не могли их поднять. Ночью ко мне подошел директор детского дома: «Немцы взяли Моздок, надо уходить, а то повесят на первом суку: нас как коммунистов, а тебя как комсомолку». О беспомощных детях, которых оставляют на милость фашистов, они не думали. Я сказала, что остаюсь с малышами, а утром увидела, что нет ни продуктов, ни одежды и даже документов: директор увез все с собой на подводах. Наверное, мы все бы погибли в Моздоке, не узнай я, что единственный мост, по которому можно уйти незамеченными из города, заминирован; будет на рассвете взорван. Подняла спящих детей, и мы цепочкой в кромешной тьме пошли по этому минному полю. Как мы его обошли не подорвавшись? Видимо, Господь вел нас. Тогда у меня и появились первые седые волосы...

— Зиночка, а помнишь как на окраине города подошел офицер, звали его Леонид, а вот фамилию я что — то забыла, кажется Белозеров. Он попросил: если будем в Махачкале, передать письмо невесте... Я в Махачкале с девочками из старшей группы пошла ее искать, не предупредив тебя: ох, и досталось нам потом...

— А в Грозном оказался ад: горели промыслы, весь город был охвачен огнем.

— А нас уже ни чем было не запугать, — вспоминает Екатерина Павловна. — Изможденные долгим переходом без еды, воды, мы думали, как бы только выжить. В Махачкале нас наконец погрузили в товарные вагоны, в которых ехали военные. Они были уже насыщены о нас. Один из солдат по имени Женя достал из кисета кишмиш и по три зернышка, чтобы всем досталось, раздал нам. До сих пор помню вкус того кишмиша...